

Святитель Феофан Затворник: великий учитель христианской жизни. Жизнеописание и советы епископ Александр (Милеант)

Одним из самых влиятельных духовных писателей 19-го века был Святитель Феофан Затворник, ставший великим учителем христианской жизни. Его сочинения крайне необходимы всем жаждущим спасения. Его нельзя читать без благоговения, без трепета душевного... Он говорит вам о Боге и о вашей душе, открывает просветы в мир иной – как «власть имущий»... И это чувствует каждый, ибо истина сама свидетельствует за себя... Епископ Феофан оставил нам бесценное сокровище в виде более 60-ти духовных произведений, большинство из которых написано им во время 28-летнего затвора в Выше и которые он завещал перед своей смертью всему русскому народу. В строках его творений можно найти неиссякаемый источник духовного подъема, углубленности в себя и устремленности в небесную высь. В каждой его фразе чувствуется благодать Божия.

Будучи высокообразованным человеком, достигшим необычайных высот в карьере в сравнительно молодом возрасте, тем не менее, он принимает твердое решение удалиться от мира и уйти в затвор. Так он решил свою ученость и знания посвятить служению Православной Церкви, ибо был глубоко убежден в том, что самое главное в деле спасения – это непрестанно умом в сердце молиться Богу и, чтобы никто не мешал... «В делах веры и спасения не философия требуется, а детское приятие Божественной истины. Умишко надо ногами потоптать, вот как на картине Михаил Архангел топчет сатану. Михаил Архангел – это ум, покорный истине Божией, а сатана, это ум возмущившийся, суемудренный, от которого все революции, и в семействах, и в Церкви...»

«Пусть не думают, что в области веры нет философии... Нет, совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная философия, утешительная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии. Только до созерцания сей системы нельзя взойти вдруг. Надо чисто принимать истину за истиной, как преподается, без суемудрия, и слагать их в сердце... Когда соберутся все истины, тогда сознание, молитвою изоощренное, узрит их строй и будет наслаждаться, и тогда воссияет в душе свет великий. Это – премудрость сокровенная от

сынов века сего.»

Именно потому, что Святитель Феофан, находясь в 22-х летнем затворе, познавал эти истины опытным путем, а не только из философской литературы, слово его имеет такую силу. Он оставил нам высокий образ духовной жизни аскета-затворника, молящегося за свой народ и за весь род христианский.

Жизнеописание святителя Феофана до затвора

Епископ Феофан – в миру Георгий Васильевич Говоров – сын священника Владимирской церкви, села Чернавска, Елецкого уезда, Орловской губ. Родился он 10 января 1815 г. Благочестивые родители воспитали его в церковном духе, так что с раннего детства он возымел крепкую любовь к Церкви. Недаром и писал он потом, что церковность – самое могучее средство правильного воспитания детей.

Окончив Ливенское духовное училище, он поступает в Орловскую духовную семинарию, которую с успехом заканчивает в 1837 г. Высшее образование святитель Феофан получил в Киевской Духовной Академии, которую он блестяще закончил со званием магистра богословия. В Академии все его помнили, как скромного и благоговейного юношу. Об этом времени он так писал: «Река жизни нашей пересекается волнистой полосой юности. Это время вскипания телесно-духовной жизни. Тихо живет дитя и отрок, мало быстрых порывов у мужа, почтенные седины склоняются к покою; одна юность кипит жизнью. Надобно иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн... Что сказать о том, кто не только не любил христианской жизни и истины, но даже никогда и не слышал о них?.. Он – дом без ограды, преданный разграблению или сухой хворост, преданный горению в огне...»

Будучи студентом Киевской Духовной Академии, он много раз посещал Лаврские пещеры. Здесь, очевидно, у него и созрела мысль об отречении от мира. За несколько месяцев до окончания курса Георгий Васильевич Говоров принял монашеский постриг. В иночестве он нашел свое истинное призвание; к этому его располагали и естественная доброта сердца, и голубиная кротость, и снисходительность, и доверчивость к людям, да и некоторая застенчивость в обращении. По всему видно было, что он не создан для поприща житейской борьбы и суеты. Вскоре его посвящают во иеродиаконы, а затем – в иеромонахи. После пострижения он посетил Лавру, где подвизался старец иеросхимонах Парфений. Этот умный молитвенник так наставлял молодых монахов: «Вот вы, ученые монахи, набрав себе много правил, помните, что одно важнее всего: молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу – вот чего добивайтесь.»

Успешно окончив Академию с титулом Магистра Богословия, иеромонах Феофан назначается ректором Киево-Софийских училищ и преподавателем латинского языка. Около пяти лет занимал он эту

должность. Взгляд свой на воспитание он выразил в таком духе: «Воспитание из всех святых дел – самое святое... Надобно так расположить дух учеников, чтобы у них не погасло убеждение, что главное у нас дело есть Богоугождение, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и губительнее для духа христианской жизни, как эта научность и исключительная об ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение и потом навсегда может удержать в нем...»

13 декабря 1844 г. Его назначают бакалавром нравственного богословия в С.-Петербургскую Духовную Академию. Но когда в 1846 г. его причислили к соборным иеромонахам Александро-Невской Лавры, он подал прошение об увольнении, как бакалавра и помощника инспектора Академии. Он весь, безраздельно хотел отдаться иноческому служению... Скоро промысл Божий указал ему иное призвание: его назначили членом Русской миссии в Иерусалиме, где он пробыл до 1853 года.

Вид Палестины, ее холмов и долин, светлых озер и источников удивительно ярко воскрешает в нашем сознании библейские события. Можно представить, как богато питалась душа о. Феофана священными воспоминаниями. Его влекло в древние обители Палестины, в знаменитую Лавру св. Саввы Освященного... Там он мог и слышать поучительные рассказы и сам наблюдать уединенную жизнь подвижников. В 1855 г. он стал настоятелем посольской церкви г. Константинополя, где многое узнал об Афоне и тамошних подвижниках.

В 1859 году архимандрит Феофан посвящается в епископский сан, с назначением на Тамбовскую кафедру, где он служил до 1863 г. Отсюда его переводят во Владимир, где он открывает женское епархиальное училище и начинает издавать «Владимирские епархиальные ведомости.» Как на Тамбовской, так и на Владимирской кафедре Владыка Феофан был неутомим. Он очень часто служит, всегда проповедует, путешествует с целью личного знакомства с паствой, возвращает заблудших в лоно церкви, заботится о духовно-учебных заведениях, открывает церковно-приходские школы, возобновляет храмы Божии – на все простиралось его заботливое архипастырское попечение.

Вскоре святитель Феофан сподобился великого утешения: присутствовать при открытии мощей святителя Тихона Задонского. С юных лет он горел любовью и благоговением к памяти святого Тихона. И здесь, при раке новоявленного святителя, у него сложилось твердое

решение идти по его стопам. Оставив Воронежскую кафедру, он удаляется в Задонск, чтобы посвятить себя созерцательной жизни. Как святитель Тихон, так и святитель Феофан решил всю свою ученость посвятить служению Церкви в качестве аскета-затворника.

Значение затвора в жизни святителя Феофана

С 1871 года преосвященный Феофан предался полному затвору в Вышенской пустыни – бедной и как бы затерявшейся в лесах Тамбовской губернии. Для совершения богослужения святитель Феофан устроил себе маленькую церковь, выделив для этого часть гостиной. Вместо иконостаса, была простая занавесь из дешевой материи, которой алтарь был отделен от остальной части церкви. В свою келью, кроме келейника, духовника и настоятеля обители, являвшихся к нему по временам, никого не принимал.

Узнав о великом подвижнике, люди со всех сторон стали письменно обращаться к нему за советами; и святитель Феофан, не нарушая своего затвора, не отказывал никому в духовном наставлении. Ежедневно он писал около сорока ответных писем. В них он выражает отеческую заботу к одним, других наставляет, вразумляет, иным отвечает на те или иные вопросы христианской жизни, тех утешает в скорбях, иных предостерегает от разного рода заблуждений и увлечений. Следя из своего затвора за современною жизнью и мыслью, особенно церковной, святитель Феофан со всею ревностью сильного борца Православия встает на защиту его при первом появлении какого бы то ни было учения, противного духу Православия.

В 1883 г. на письмо одного из племянников, где тот просит у него темы для сочинений, преосв. Феофан отвечает ему следующими словами: «Вы просите тем – их легче решать, чем задавать. Я той мысли, что всего лучше писать о том, что падет на сердце: ибо там настоящий источник речи. – Если со вне нужен толчок, то вот он: нас съедает протестантизм, – пашковство, штунда, толстовщина и подобное – все оттуда. Так берите разные пункты мудрований сих, – и бейте их без милости. – Писали вы о том, что есть истина, и нашли, что она есть только в учении Христовом. Идите далее и решайте, где учение Христово. Решайте так: в слове Божиим, понимаемом по учению, устно оставленному Апостолами, и хранимому св. Православною Церковью, – с дополнениями из Предания и того, чего нет в Писании Божиим... – Этим положите камень – в основу борьбы с протестантами. Затем можете колотить их очень успешно во всем. – Читайте больше св. отцов и их изучайте, – особенно первых веков (3–4-й). Там дух Апостольский. Ведь и у нас много суемудрецов, которых тоже нужно бить. Если не упустите заняться ими: то они сами направят вас на то, чем надо заняться и что написать» (Из письма к племяннику И. А. Крутикову).

Со временем жизнь святителя Феофана сделалась сокровенною для людей, а ведомою одному Богу. Даже на прогулку, для пользования свежим воздухом, преосв. Феофан в годы полного затвора выходил на балкон при своем флигеле так, чтобы никто не мог его увидеть.

О жизни святителя в полном затворе можно передать небольшие сведения – частично по некоторым его собственным замечаниям, частично по свидетельству близких лиц, наконец, по тому, что открылось в его кельях после его кончины. В церквушке во имя Богоявления Господня, устроенной в келье, он совершал богослужения или вычитывал, что нужно в положенные часы. Там-то он, в первые десять лет полного затвора каждый воскресный и праздничный день, а в последующие годы ежедневно, совершал и Божественную Литургию, также один, «в сослужении ангелов,» по выражению одного инока. В алтаре церковке, на стене, по кончине святителя, нашли подвешенный мешочек, весь наполненный записочками с именами лиц, просивших святителя поминать их в своих молитвах.

Рядом с келейною церковью преосв. Феофана находился его рабочий кабинет. Здесь он занимался изучением святоотеческой литературы, которую суммировал в своих вдохновенных творениях и письмах.

Перед праздниками Рождества Христова и Пасхи, получив пенсию, он почти всю ее рассылал по почте разным бедным и родным, оставляя себе лишь немного на необходимые потребности. А другим рассылал он безвозмездно книжки свои, также соответственно потребности. Святитель сам первый был строгим исполнителем правила, которое предлагал другим к исполнению, а именно: «Не говори требующему помощи: приди завтра; сделай для него сейчас, что можешь. И просить себя долго не заставляй, это похоже на торг.» И он спешил с помощью вещественною или духовною ко всякому нуждающемуся. Письма преосв. Феофана часто представляли собой целые трактаты ученого или популярного характера. В пособие своему замечательному уму и памяти, преосв. Феофан обладал обширною келейною библиотекой, которую постоянно увеличивал, выписывая русские и иностранные книги.

Среди книг разного содержания были: «История России» Соловьева, «Всемирная история Шлоссера,» сочинения Гегеля, Фихте, Якоби, Ульрици, энциклопедический словарь, богословская энциклопедия на французском языке в 150 томах и много других. Ибо, как говорил святитель, «и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благодати, правды и многопопечительного о нас промышления Божия... Бог

открывает Себя в природе и истории так же, как и в Слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет читать» («Душеп. Чтение,» 1894 г., № 4).

Но, как само собою понятно, у преосв. Феофана, как человека истинно духовного, более всего было книг духовного содержания: издания Библии, Симфонии, толкования на Библию, творения св. отцов и учителей Церкви вселенской (св. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Исаака Сирина, аскетические писания, полное издание Миня); и русской (св. Нила Сорского, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского и др.); богослужебные книги – Четьи-Минеи, прологи и т.д., почти все духовные журналы, и прочие.

Кроме писания, преосв. Феофан в своем затворе занимался еще разного рода рукоделиями. «Нельзя все духовным заниматься – писал он, – надо какое-либо нехлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться не способна.» «Есть ли у вас какое рукоделие? Если нет, изобретите. Без рукоделия плохо. Читать и молиться (разумею молитву, во вне выраженную) нельзя непрестанно. А праздно сидеть, мысли блуждать начнут, так и надо в помощь себе рукоделие изобрести» (Письма, 1-й вып.).

Так среди молитвенных подвигов, в церковке и келье совершаемых, среди разного рода умственных занятий и рукоделий у святителя-затворника подлинно не проходило ни минуты без дела. А затем уже немного времени оставалось на удовлетворение телесных нужд сна и бодрствования. Такой подвижник духа, каким был святитель Феофан, не нежил своего тела продолжительным сном, роскошными и многими яствами и пр., напротив, он умерщвлял его всячески, по заповеди св. отцев-подвижников, которую сам же, в русском переводе, предложил ревнующим о спасении: «Должно нам смирять и истощать свое тело воздержанием, а не поглажать ему сладостями, чтоб удостоиться царства небесного» (Письма о Хр. жизни).

Незатейливым был порядок обыденной жизни святителя-затворника. По окончании литургии, святитель легким стуком давал знать келейнику о времени утреннего чая. После чая владыка занимался умственными работами, плодами которых были его многочисленные писания и письма. В час дня был у него обед, за которым в последние годы святитель в скромные дни вкушал только по одному яйцу и по стакану молока. В четыре часа по полудни подаваем был чай; а ужина совсем не было. В постные дни, конечно, еще более усиливалось телесное воздержание

святителя-подвижника, которого питали и укрепляли только духовные занятия и молитвенные подвиги.

Что побудило святителя Феофана предаться полному затвору после немногих лет обычного пребывания на покое в Вышенской пустыни? – Без сомнения, главным побуждением к тому служило искреннее, сознательное, выработанное долговременным опытом жизни в иноческом чине, желание полного, совершенного отрешения от мира и всего, что в мире. Ободряющими же к тому для него, как епископа, примерами могли служить такие высокие примеры, как – из истории Церкви вселенской – пример св. Исаака Сирина, а из истории Церкви Русской – пример столь чтимого преосвященным Феофаном святителя Тихона Задонского.

Однако, сам святитель Феофан, оставивший епархиальное служение на 52-м году своей жизни и после долговременного искуса в иноческой жизни, не сразу по удалении на покой посвятил себя полному затвору, а лишь через шесть лет после удаления в Вышенскую пустынь. Он глубоко сознавал высоту подвига затвора полного и потому, как других иноков предостерегал от поспешности в исполнении желания предаваться полному затвору, так и сам не спешил.

«Хотелось бы, говоришь, в затвор. Раненько, да и нужды нет. Один же живешь. Когда-когда кто зайдет. А что в церкви бываешь, это не разбивает твоего одиночества, а утверждает, или дает тебе силу и дома проводить время молитвенно. По временам можно день-другой не выходить, все с Богом стараясь быть. Но это у тебя и так само собою бывает. Так нечего загадывать о затворе. Когда молитва твоя до того укрепится, что все время будет держаться у тебя в сердце пред Богом в благоговении, не выходить из него, и ничем другим заняться не захочет. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься, или целый мир напустить в свою комнату» (Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни, стр. 298).

Сам святитель, не довольствуясь общественным служением с его разного рода отвлечениями от всецелого посвящения себя на служение Богу, на поиски единого на потребу; сперва удалился от дел общественного служения, а затем, когда увидел, что при общежительных условиях иноческой жизни все же многое препятствовало ему всецело предаваться Богу и уединенно беседовать с Ним единым, перешел к полному затвору. Правда, бывали минуты, когда и он сам допускал и другие внушали ему мысль о возвращении к общественному служению в звании епархиального архиерея, в виду полноты сил душевных и телесных, которыми он еще обладал. Но скоро мысль о высокой цели

пустынножительства, – о том, что в пустынном уединении он несет особого рода службу Церкви, – побеждала всякую мысль о возвращении в мир.

«Потому св. отцы наши, – писал он сам со слов св. подвижников востока христианского, – поселялись в пустынях, горах, лаврах, монастырях, кельях и пропастях земных, затворах, столпах, чтобы, удаляясь от всего другого, через совершенное терпение, послушание и отсечение воли своей очиститься от страстей и укрепиться в добродетели в общежительных обителях или в уединении и в совершенном отшельничестве воспитать добрые нравы и чувства, посредством трезвения, соблюдая ум не развлекаемым нечистыми помыслами, в надежде или тем. или другим способом обрести Бога, ради Которого поднимали все труды и подвиги, как телесные, так и душевные» (Сб. аскет. пис., стр. 96).

Так жительствовавал в Вышенской пустыне святитель-затворник во все многолетнее время своего в ней пребывания, молясь не только о себе, но и о других, трудясь в области духовной письменности уже прямо не ради себя, а ради ближних и достигши того, о чем торжественно и велегласно поет святая Церковь по отношению к пустынноикам: «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетного кроме.»

Главная тема в творениях Святителя Феофана

В своих писаниях преосв. Феофан является и проповедником, и истолкователем источников богословия – св. Писания и св. Предания, и богословом-систематиком, и прекрасным переводчиком, и вообще духовно-нравственным писателем.

В своих писаниях святитель Феофан по истине является «светом миру» (Матф. 5:14), сиявшим в такое время, когда, с одной стороны, мгла западничества, с его лжеверием, различного рода заблуждениями и нравственным развращением, сильно облагала умы и сердца наших соотечественников, а с другой, и в самом русском обществе древние устои верований, убеждений и строгой нравственности очень уж были расшатаны, и тьма все более застилала духовные очи своих современников. Они не могли не видеть этих верований и убеждений преосв. Феофана – и это да послужит им, как предтечам антихристовой революции, в суд и осуждение.

«Сколько знамений показал Господь над Россиею, – писал в скорби святитель Феофан, – избавляя ее о врагов сильнейших и покоряя ей народы! Сколько даровал ей постоянных сокровищ, источающих дивные знаменья, – в св. мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей России! И однако же, во дни наши Россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне впадает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья только сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм, и случающиеся геологические ошибки с Божественным откровением. Зло растет; зловерие и неверие поднимают голову; вера и православие слабеют. Ужели мы не образуемся?.. И будет, наконец, то же и у нас, что, например у французов и других... А если это будет, что думаете, будет нам за то в день судный, после таких Божиих к нам милостей? Господи! спаси и помилуй Русь православную от праведного Твоего и надлежащего прещения!» (Мысли на каждый день года по церк. чт. из слова Божия, стр. 233, 306, 371).

Сам свят. Феофан, как строгий аскет-подвижник, в своем нравоучении – «весь в Боге» – «В чем все дело заботливости о спасении души?» – спрашивает он. – «В том, чтобы иметь Бога своим Богом и себя сознать Божиим.» Соответственно этому все нравственное учение преосвященного Феофана направлено к тому, чтобы наглядно показать: «как дойти до спасительного желания богообщения и ревностно пребывать в нем и как безбедно пройти к Богу среди всех распутий, возможных на

сем пути, по всем степеням» (Путь ко спасению, стр. 6). Поэтому в своем нравоучении «он берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и доводит до возможной для него степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова» (там же, стр. 9).

Средство к достижению этой цели можно обозначить вообще как прогрессирующую победу духа над телом. Признавая в человеке три составные части его существа: дух, душу и тело и видя в духе божественную часть в человеческом существе – тот «образ Божий,» который Творец напечатлел на своем создании, еп. Феофан считает нормальным и целесообразным лишь такое соотношение составных частей человеческого существа, когда дух, восстановив в себе присущие ему свойства и стремления – в страхе Божиим, в действии совести и в желании лучшего мира – покоряет себе душу и тело. «Тогда в душе царствует страх Божий, добросовестность и несвязанность ничем внешним, тогда «является желание и производство бескорыстных дел или добродетелей... душа совершает дела не потому, что они нужны, полезны и приятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы.» Тогда «плоть подчиняется духу и ему работает, теряя свои естественные права – на пищу через пост, на сон через бдение, на покой через непрерывный труд и утомление, на услаждение чувств через уединение и молчание».

«Тело есть нечто внешнее для души, нечто такое, что она должна отделять от себя и, почитая своим, не сливать с собою,» ибо оно, после грехопадения первых людей, сделалось седалищем страстей, так что если оно будет в силе, то дух ослабевает, ибо «плоть крепнет за счет духа... дух...за счет плоти» (Путь ко спасению, стр. 318).

Но в ослаблении духа повинным бывает не одно тело, – и душа привносит сюда свою нечистую долю. – «В сущности, потребности тела нашего – говорит преосв. Феофан – просты и бесстрастны. Посмотрите на животных: не объедаются, лишнего не спят, удовлетворив плотскую потребность в свое время, затем целый год остаются спокойны. Это лишь душа, забыв свои лучшие стремления, настроила себе из простых потребностей тела множество противоестественных стремлений, ставших, по безмерности своей, противоестественными и телу» (Мысли на каждый день года, стр. 164).

Сняв, так сказать, через это часть вины с тела и относясь одинаково недоверчиво как к телу, так и к душе, одинаково поврежденной грехом, преосв. Феофан видит единственный путь ко спасению – в подчинении их духу. Он с грустью сопоставляет состояние и соотношение этих составных частей – в грешнике и в ревнующем о спасении: «Где у одного голова, у

другого ноги. Один весь в Боге и живет духом с умерщвлением низшей части и подчинением себе средней; другой – вне Бога, в чувственно-животном мире, живет фантазией, мятется желанием, поражается страстями и извращением душевной деятельности» (Начерт христ. нравов., стр. 325).

Переходя к характеристике христианского учения, святитель Феофан говорит: «Природа наша повредилась чрез падение. Христианство во всем своем строе есть восстановление сей природы в первый чин. Следовательно, оно есть в существе своем насилие природы, как она в нас теперь есть. Самопротивление и самопринуждение суть первые формы проявления жизни христианской, спасительной, ведущей к цели. На природу никогда не следует ссылаться, или на нее опираться безусловно, – ибо она совмещает в себе смесь должного с недолжным. Поэтому, перерабатывая себя, надо не на природу смотреть, а на норму совершенства, предлагаемую христианством» (Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни,» Душеполезное чтение, 1882 г., стр. 173). Преосвященный Феофан подробно излагает способ, так сказать одухотворения человека, борьбы и победы над душою и телом. Он как бы игнорирует душевную жизнь, служащую у него синонимом жизни мирской.

Для духовной жизни развитие душевной жизни совсем не требуется. Духовная спасительная жизнь начинается и развивается независимо от душевного развития. Отсутствие последнего никакого ущерба не причиняет первой и достоинства ее не умаляет. Душевное все, и в самом лучшем его виде, цену получает только тогда, когда вполне подчиняется духовности, само же по себе – ничто для вечности (там же, стр. 480).

Но в то же время святитель Феофан и не враг мирской жизни, с ее прогрессом и цивилизацией. – «Не подумал бы кто, говорит он в одной из своих проповедей, что мы восстаем против всякого усовершенствования и всякого изменения к лучшему. О, нет! Бог благословит всякое доброе улучшение; да благословит и труды тех, которые посвящают себя на это! Мы хотим только сказать, что истинною мерою благотворности улучшений должна быть сообразность их с духом веры, и что все, охлаждающее к вере и отчуждающее от церкви, все, заставляющее нарушать уставы ее и требующее перемены в них, все, приводящее к забвению божественного устройства вещей, не должно считаться признаком и плодом истинного усовершенствования и преуспевания (прогрессом), а наоборот, возвращением назад (регрессом), нисхождением и пагубою. (Слова к Владимирской пастве, 1869 г., стр. 40). В руководство

для своей воли христианин должен принять все устройство церкви «С ее догматами, заповедями, таинствами, священнодействиями, канонами и достоподобным руководством»: – «вместо верности началам гуманности, ставится обязательно верность обетам крещения и, вместо прогресса, стремящегося в неопределенную даль, – стремление к почести высшего звания о Христе Иисусе (Начертание христианского нравоучения,» стр. 28).

«То язык моралиста-язычника, неведомый в Церкви Христовой, где превозносится гуманность и цивилизация, ибо в настоящее время мы потеряли всякое чувство самосохранения истинного. Ведемся же как ведомые прямо на пагубу, и никакой заботы о своей участи. Опустили руки, предались нечувствию; что будет, то будет! Вот каково положение наше! Не от того-ли так часты самоубийства? И это – плод нынешних учений, нынешних взглядов на человека и его значение! Вот вам и прогресс (Мысли на каждый день года» Дом. Бес. 1871 г., стр. 70).

Когда человек, вместо усвоения ложных мирских начал, обратится смиренно к спасительному руководству Церкви, тогда всемогущая благодать Божия вселяется в человека через таинства. Она разделяет в человеке душу и дух, возвращает последнему силу восстановить свойственные ему стремления и действия, – страх Божий, совесть, неудовлетворенность ничем мирским и жаждой богообщения. Тогда все силы и способности в человеке начинают действовать совершенно иначе, чем они действовали прежде в греховном человеке, преданном миру, – и христианин, при содействии благодати Божией, тогда «огненным путем очищения» и борьбы со своим эгоизмом и страстями освящает все естественные органы своей воли, как душевные, так и телесные. И – как орел, поднявшись с земли, легко и свободно парит в высших сферах воздушных, где и воздух чист, и нет суеты земной, – так и он восходит на высшую степень бесстрастия, – «Чем выше от земли, тем меньше бывает колебаний и движений в воздухе, а там, на самой высоте, – все тихо и спокойно, – ни бурь, ни громов, ни молний. Это образ покоя, какой обретает душа, погасившая всякое пристрастие земное и сердцем живущая на небесах, в непрестанной теплой молитве и не отходя от предстоянии Богу» (Слова к Тамбовской пастве» 1861 г., стр. 247). Тогда только человек доходит до такого состояния, что даже отрешается от жизни с людьми, готовый сказать вместе с Арсением Великим: «люблю вас, но не могу быть вместе с Богом и с людьми» «(путь ко спасению, стр. 385). Тогда является степень той любви, которая есть «подательница пророчества, причина чудотворений, бездна просвещения, источник огня божественного» (там

же, стр. 392). Хотя – этого возжеленного покоя Божия «здесь достигают редкие, но там на небесах все, своим однако ж чином... Это и есть блаженство вечное» («Письма к разным лицам» Душ. Чт. 1882г. стр.377).

Святитель Феофан не высоко ставит жизнь душевную, мирскую. – «Житейская жизнь, говорит он, есть жизнь душевная, следовательно не такая, которой жить должен человек, ибо он должен жить жизнью духовную, чтобы быть таким, каким предназначила ему быть творческая десница Божия. Житейская жизнь при всем своем совершенстве цены не имеет. Цену она может получить лишь тогда, когда одухотворится влиянием на нее духа, или когда она примет в руководствующие и направляющие начала для себя – начала духа, т. е. страх Божий, совесть и жажду Бога (с недовольством благами земными) или покой в Боге.

А духовная жизнь сама по себе имеет цену, делая человека таким, каким он должен быть по намерению Творца своего» («Письма к разным лицам,» Душ. Чт. 1880 г. стр. 74). Цена так высоко духовную жизнь, святитель Феофан, сам строгий подвижник и аскет, горел только одним желанием, чтобы и все верные сыны Церкви, если не шли в пустыни, в монастыри, то во всяком случае, живя в мире, проникались тем духом и принципами, которые свойственны подвижничеству; ибо в этом – единственный путь ко спасению.

В то же время он постоянно подчеркивает, что тело наше по естеству и первоначальной природе чистое и предназначено быть постоянным спутником и другом души и, следовательно, вовсе не является принципом зла или темницей духа (как по учению Платона), а только после грехопадения получило слишком большое преобладание и перевес над душою и духом. «Есть и предел, выше которого заходить нельзя: не выдержит тело.» В удовлетворении всех потребностей тела есть наименьшая мера. Закон подвига здесь таков: дойди до сей последней меры и остановись в ней, так, чтобы с этой стороны уже не быть беспокойным; а затем все внимание и весь труд обрати на внутреннее... Тело – не враг. Поставь его в свой чин, и оно будет самым надежным тебе подружием... Отчего разлив плотских утех и страстей? От услужливости душе плотоугодливой... Раздвигая пределы в количестве и в качестве, душа, в надежде почерпнуть здесь полноту блага, доходит до бешенства (мании) в своих плотоугодливых стремлениях, и все же не находит искомого, а только расстраивает себя и тело – себя потому, что не то дает себе, что должно, тело потому, что для него положена во всем естественная мера, нарушение которой разрушительно для него. Напрасно говорят, что подвижники враждебно относятся к своему телу. Они только

поставляют его в свой чин, и удовлетворение потребностей его – в свою меру, с подчинением, конечно, сей меры своим особым целям. Тело есть орудие души для выполнения ее цели пребывания на земле («Сижу и думаю,» Домашняя беседа 1869 г., стр. 4–5).

Заключительные слова приведенной тирады объясняют необходимость борьбы со страстями: ибо если тело – орудие души, а душа – орудие духа, то очевидно, что ввиду целесообразного развития своей природы, человек должен обходиться несколько сурово со своей душевно-животной природой. Тем более это необходимо, что страстная, греховная сторона в человеческой природе получает еще сильное подкрепление от мира и диавола. Отсюда – необходима борьба. Путь ко спасению нельзя пройти без самоотречения и борьбы со своим эгоизмом, с миром и диаволом. Необходимо подвижничество. Напрасно говорят, что подвижничество свойственно только монахам, а не мирянам, – «Монахи-то ведь христиане и должны ревновать о том, чтобы быть истинными христианами. Стало быть монахи с мирянами сходятся в главном деле; как же наставления монахов могут не идти к мирянам? Есть часть у монахов, не идущая к мирянам, но она касается только внешнего порядка жизни и отношений, а не внутренних расположений и духа. Последние должны быть у всех одинаковы, ибо *«един Господь, едина вера, едино крещение»* (Еф. 4:5). Вот почему добрые миряне, ревнующие о спасении души, читать – не начитаются аскетических отеческих писаний Макария Великого, Исаака Сирианина, Лествичника, св. Дорофея, Ефрема Сирина, Добротолубия и пр. О чем пишется в этих писаниях? О том как победить страсти, как очищать сердце, как насаждать в нем добрые расположения, как молиться и преуспевать в молитве, как благоустраивать свои мысли и хранить постоянно внимание нерассеянным и прочее. А это разве не должно быть предметом забот всякого христианина?

«Когда Божие отставлено на задний план, говорит он, тогда в обществе начинает водворяться эмансипация (отход) от Божеских требований, – в умственном, нравственном и естественном отношениях, и секуляризация – служение духу времени, политики, обычаев, увеселений, а затем и воспитания, и всех учреждений;... общество склоняется к повальному безверию» (Мысли на каждый день). Что касается мистицизма и квиетизма в религии, то святитель Феофан твердо придерживался того мнения, что это есть болезненные порождения ложно направленной религиозности, протестантизма и реформации. «Они искали живого общения с Богом, надеясь своими усилиями... завладеть тем... чего надлежало ожидать от милости Божией» («Письма о духовной жизни» стр.

296).

Вообще, вопрос об отношении личности к Божественному авторитету у епископа Феофана тесно связывается с вопросом о Церкви. Она у него является самым надежным и твердым оплотом истины. Ибо, руководимая Духом Святым, она на основах Св. Писания и Св. Предания непогрешимо ведет своих чад ко спасению, лишь бы они оставались верными ей, со всеми ее дарами и учреждениями. – «Хочешь спастись? – говорит святитель Феофан, – веруй всему богооткровенному учению, и, приемля благодатные силы, через св. таинства, живя неуклонно по заповедям Божиим под руководством богоучрежденных пастырей и в послушании им, – но все это в духе Св. Церкви Божией, по ее законоположениям, – и с нею состоя в живом союзе, – и спасешься» (Письма к разным лицам).

Святитель Феофан всегда остается верен себе, ибо везде стоит на незыблемой почве древнего православного христианского созерцания. Взгляды его на западные увлечения всегда определены и точны. Хочется привести одно место из сказанного им слова в С.-Петербурге, по поводу гуманизма и реформации – этих детищ западной мысли. Он здесь с удивительной силой поучает нас: «Начавшаяся с 15-го века, после того как сатана был связан тысячу лет, эпоха гуманизма и возрождения в сущности есть отвержение образа восстановления, учрежденного Господом Иисусом Христом, с враждебным вооружением против Него, и покушение самодельно восстановить и совершенствовать себя, через развитие различных стихий падшей природы человека, по образцу и духу язычества, в котором они во всей силе... По усвоении новых начал умом и сердцем прежние христианские формы жизни показались стеснительными. Решили стряхнуть эти узы. Реформация сделала первый шаг... Ее дочь – вольномыслие – перенесло в тогдашний мир и общество, – после нравов и обычаев, после порядков жизни и утех, – и весь образ мыслей, действовавший в мире языческом до пришествия Христа Спасителя. Тут повторились все заблуждения языческие, только в другой форме и других словах (явились дуалисты, пантеисты, материалисты, сенсуалисты, скептики, атеисты) и вытеснили истину Божию из области ведения человеческого... Кончилось это тем, что обожгли разум и свободу и, под видом языческих богов и богинь, внесли в храм идолов их для всенародного чествования» (Слова С.-Петер. Дух. Академии Ректора архим. Феофана, стр. 122).

Таким образом, уже одни заглавия сочинений преосв. Феофана: «Письма о духовной жизни», «Путь ко спасению», «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» и т.п. – показывают, что главной темой

его писаний по христианской этике было показать важность, великое достоинство духовной жизни и путь к ней, путь постепенного одухотворения человека.

Советы ищущим спасения (Из писем преосвященного Феофана).

Письма святителя Феофана – это богатейшая сокровищница, откуда можно без конца черпать мудрые советы во спасение души.

Находясь в Затворе, вдали от мира, святитель Феофан не переставал до последней минуты своей жизни быть истинным руководителем всех, кто бы к нему не обращался.

И теперь, во дни мучительных переживаний русского народа, – он продолжает быть для многих и многих истинным наставником через свои дивные творения.

Пройдут века, и люди забудут своих гениальных изобретателей, способствовавших внешним успехам и удобствам земной жизни. Все эти «славные имена» великих людей станут достоянием истории, но никогда не забыть людям, пока теплится в их душах искра Божия, того, кто мог увлекать и уносить души, умы и сердца в область высших стремлений, к небесному царству, к правде Христовой.

Вне Церкви спасения нет!

«В одиночку никто не спасается. Господь из всех верующих благоволил сочетать единое тело и Сам стал Главой его. Спасается каждый не иначе, как в Церкви, т.е. в живом союзе со всем сонмом верующих, через Церковь, и с Самым Господом, как Главою ее. Господь назвал Свою Церковь – виноградным деревом, в котором Он Сам лоза, или ствол дерева, а все верующие – ветви на лозе, поэтому Церковь есть единое нераздельное целое, живо соединенное в себе и во всех частях... Так доселе все истинно верующие законам жизни, ведущей ко спасению, полагают союз с Церковью...»

«Испытательным камнем да будет для вас святое учение, издревле проповедуемое в Церкви. Все несогласное с этим учением отвергайте как зло, каким бы титулом благовидным оно ни прикрывалось. Вы только это соблюдайте, а все прочее уже само собой приложится вам. За чистотою веры последует осенение благодати.»

О смирении

«Пс. 50:19. Гонитесь за смирением, всегда отбегающим. Оно есть след Христов, благоухание Христово, деяние Христово! Ради него все простит Бог и все недостатки подвигов не взыщет; а без него никакие строгости не помогут (из 716 письма, в Афонском изд).

«Что-то мне показалось, что вы нянчитесь с собою, как с ребенком. Лучше всего, если совсем о себе забудете, а будете только одно иметь на сердце: как бы Бога не прогневить чем, неугодным Ему, в мыслях, словах и делах. Если не поостережетесь и будете много обращать внимания на людские речи и взоры, то сделаете из себя, извините, чирей, самый чувствительный даже к движению воздуха, а не только к прикосновению. Смотрите в оба сами. Вот мера: кто смирен, тот не может видеть, чтобы кто-либо относился к нему ниже его достоинства: ибо он таким низким себя считает, что никто не может отнести к нему ниже того, как бы не ухитрился. В сем премудрость!» (имз 1234 письма).

«Простота есть неразлучная черта смирения, почему, когда нет простоты, нет и смирения. Простота не лукава, не подозрительна, не обидчива, не видит себя, никакого себе значения не придает, не мудрствует и пр.. Все сие смирение обозначает. Главная черта смирения – чувствовать, что я ничто и если есть что, все то Божие.»

О самоугодии

«Саможаление и самоугодие прямо свидетельствуют, что в сердце преобладает я, а не Господь. Самолюбие и есть живущий в нас грех, от которого вся греховность, и который делает грешным всего человека, – с ног до головы, – пока грех имеет место в душе. А когда грешен весь человек, как придет к нему благодать? Не придет, как не пойдет пчела туда, где дым» (1454 письмо).

«Как победить самоугодие и решиться вступить на путь самоотвержения? Если не отвергните себя и все будете идти путем широким, то, как Спаситель сказал, попадете широкими воротами в ад... Это неизбежно. – Представьте себя в минуту умирания... когда впереди только смерть, и потом суд по жизни вашей. Поживей вообразите себе, какое слово услышите (от Судии Бога): приди или отойди. Если воистину почувствуете себя, как бы палимым огнем, то самоугодию места уже не будет. Но надобно уж и держать себя в таком страхе постоянно»

О молитве

«Сделайте, чтобы знание стало делом и получаемые вновь сведения тоже тотчас входили в жизнь. Молитва – проба всего; молитва и источник всего;. Коль скоро молитва исправна – все исправно. Ибо она не допустит быть чему-либо неисправным» (5 выпуск, 796 письмо).

«Молитва-то тихенькая, может быть, скорее доплетется до неба. А шумную кто-нибудь не добрый услышит и собьет с дороги или загородит ей путь» (из 395 письма).

«Сила не в словах молитвы Иисусовой, а в духовном настроении, страхе Божиим и преданности Богу, в постоянном внимании к Богу и Ему предстоянии умом. Молитва Иисусова есть только пособие, а не само существо дела. Положите себе жить в памяти Божией и ходить в присутствии Божиим и это одно приведет вас к доброму концу. Все сие от благодати Божией. Без благодати Божией никаким другим способом ничего духовного приобрести нельзя..»

Твердое убеждение всей жизни святителя выразалось в следующих откровенных словах: «научность душевного свойства, а молитва духовного»... и «ничто ей не предпочитайте – она царица,» – советует великий Затворник.

О душе

«Что делать с душой? Великая хитрость нужна, чтобы владеть собою. Старцы Божии одолевали себя, но и то не всегда. Вот тут и толкуй о силе воли и самовластии души! Где она, укажите, философы? Только тому, кто Господу отдает себя совсем, дается сила владеть собой, или вливается в него такая сила.»

«Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит... «Гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак. 1:20). Божие все мирно, тихо, сладостно, и в душе сию сладость оставляет, и вокруг разливает обильно.»

О ведении Божиим

«Область ведения Божия беспредельна. На земле же откровение Божие уже завершено; нечего и мечтать о высшем: все имеем, что нужно; усвой и живи тем. Христианское откровение впереди не обещает нового откровения; но только то, что Евангелие будет узнано во всем мире, и что эта вездесущность и всеобщность ведения Евангелия есть предел бытию настоящего порядка вещей. Тогда вера ослабевает, любовь иссякнет, жизнь станет в тягость, – и благодать Божия положит конец миру.»

О терпении

«Видим, что все рвутся из того, что приходится им терпеть, а все никак не могут вырваться, даже при больших средствах. Отчего так? От того, что не ту дорогу взяли. Надо вступить на путь заповедей Божиих и благодушно терпеть то, что приходится терпеть, тогда это самое претерпеваемое начнет источать утешение. Вот и рай, не смотря на противную тому внешность! Те, которые иным путем хотят водворить рай на земле, лишь попусту трудятся. Еще премудрый сказал им: суета сует!»

О ложных богах

«На что опираешься надеждою в жизни, то и бог для тебя. Если на имения, то имение тебе – бог; если на власти, – власть твой бог; если на другом чем, то это другое есть твой бог. Когда истинный Бог восхочет кого обратить к Себе, то прежде разрушает ложных богов, чтобы, испытав их ненадежность, тот скорее и искренне обратился к Нему» (Письма, стр. 339, 1882 г.) ему.

О славословии Божиим

Между предметами слова нет выше слова о Боге, и между сими словами нет выше славословия... Кто его достиг, тот достиг крайних пределов употребления слова и, прибавим, употребления ума. Когда начинает исторгаться из сердца богохваление, то это значит, что ум начал вступать истинно в область боговедения, которое, отвлекая его внимание от всего другого, как несравненно низшего, приковывает взор его к единому Богу и разверзает пред очами его блеск славы Его, дивного в бытии Своем, в свойствах Своих и в действиях – в творении, в промышленности, искуплении и устройении спасения каждого спасаемого. Созерцая это, он переходит от изумления к изумлению и, при каждом предмете созерцания, ничего не может изречь кроме славословия: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.»

Просто интересные мысли

«Беспокойный ум все роется в надежде найти что-то лучшее и ничего не находит; вера все дает: и всю мудрость, и все способы.»

«Из людей, кто станет твердо в воле Божией, тотчас делается стойким и твердым»

«Помощь от Господа приходит на наши усилия и, сочетаясь с ними, делает их мощными.»

«Благодать, пришедши, не приносит с собою много сведений, но научает человека вниманию и как- бы обязывает к точному рассмотрению вещей.»

Светлый облик Владыки Феофана

Впреосвященном Феофане, по устроению Господню, обилие даров духовных соединялось и с обилием внешних, телесных добрых качеств. Внешний вид его был приятный и красивый: роста небольшого, темно-русые жидкие волосы скромно лежали на голове, борода длинная, полуокладистая, лицо чистое, взгляд веселый, особенно в разговоре, брови нависшие. В общем представлял приятное впечатление. В разговоре ласков, шутлив, образен, своеобразен и жив.

Но «красота, скажем словами преосв. Феофана, – есть, конечно, не незначительный естественный дар. Она занимает место всякой рекомендации перед людьми. Рекомендуемая особа должна уже сама позаботиться о том, чтобы рекомендация не оказалась ложною. Это сделает она стяжанием, проявлением и сохранением нравственной красоты. Сама же по себе внешняя красота – ничто. Она похожа на политуру, придающую блеск вещи, которая может быть, однако, сделана из очень непрочного и грубого материала» (Мысли на каждый день, стр. 48).

Внешнее благообразие у святителя Феофана не только возвышалось в своем достоинстве, но и, можно сказать, обуславливалось его красотой нравственною. Лик архипастыря-затворника прямо святолепный, напоминающий собой иконописные лики угодников Божиих: так внешнее мало-помалу возвышалось до внутреннего в святителе Феофане, по мере его духовного совершенствования. Особенно глаза у святителя были по истине зеркалом души и душевного настроения его: искрившиеся блеском умственной пытливости или живости чувства в детстве и юности, они потом более стали светиться тихим светом глубокой задумчивости, возвышенного настроения чувств, любви и участия к ближнему и т. п.

Еще в детстве он обнаруживал ум весьма светлый, пытливый, доискивавшийся первой причины явлений, быстроту соображения, живую наблюдательность и другие качества, приводившие нередко в удивление окружающих. Еще более возвысился, дисциплинировался и укрепился ум его школьным образованием. Пытливый, глубокий, желавший довести все понятия свои до полной ясности, при том же строго вышколенный ум святителя Феофана никогда не привязывался к излишней формалистике, к схоластике, и всегда сохранял свою самобытность, был в полном смысле самородком, отличался простотою, естественностью, ясностью и удобопонятностью в постановке дела и изложении плодов мысли, что

особенно видно в писаниях святителя, доступных всем классам народа.

Святитель Феофан являлся поистине носителем глубокого смирения, кротости и других высоких качеств его душевной и духовной настроенности. Мягкосердечие, кротость, миролюбие составляли выдающиеся черты его характера. Глубокое сознание важности сердца в жизни человека коренилось и в теоретических соображениях его, и в доверии к учению Св. Писания, и в его собственной сердечности, выражавшейся особенно в том обилии любви, которым переполнена была душа его, и которое изливалось широким потоком на всех, не только сродников по плоти, но и вообще на ближних по заповеди Господней (Матф. 19и др.). Любовь в нем была союзом совершенства всех симпатичных черт его характера и усиливалась, расширялась по мере совершенствования его в духовной жизни и утверждения в Боге, в любви Божией.

Черты характера святителя и его настроенность, вообще весь строй его духовно-телесной природы яснее всего отобразились в его собственных писаниях и письмах. Одно глубокое смирение и скромность внушили ему следующие слова характеристики себя как писателя: «Сколько раз приходится жалеть, что не умею писать так, чтобы всех затрагивал. Если бы умел, составил бы такую книгу, что всякий читающий непременно решился бы начать соделывать свое спасение.»

Предметы, научение которым занимало святителя Феофана в отношении руководимым им духовно, все сводятся к главному – спасению души. И писания святителя Феофана поистине способны всех затрагивать и всех побуждать к решимости «начать соделывать свое спасение.» Недаром святитель Феофан издавна горел любовью к памяти святителя Тихона Задонского, недаром издавна услаждался чтением его писаний. Еще в 1855 году, когда возбуждено было дело об открытии мощей святителя Тихона, преосвященный Феофан писал: «Ах, как радостно, что начинается дело об открытии мощей святителя Тихона. С детства я люблю его, – и маленьким еще ходил к нему. (Кстати, родина свят. Феофана, Чернавск, Елецкого уезда, была не далеко от Задонска, где почивали мощи святителя Тихона). И писания его все сладки и пресладки! – Ясновидящий!» Не даром о писаниях святителя Тихона преосв. Феофан и прямо говорил, что, «почти всякая статья его ведет к тому, чтобы вразумлять и пробуждать грешников от усыпления.» Поэтому он и рекомендовал эти писания для чтения предпочтительно пред другими духовными писаниями. Иначе сказать, только святитель Тихон, по мнению преосв. Феофана, удовлетворял тому идеалу духовного писателя, какой

составил себе и старался осуществить в своих писаниях Вышенский затворник-святитель, писания которого, поэтому, подобно писаниям святителя Тихона, по содержанию – душеспасительны, а изложения – просты и удобопонятны для всех.

В книге «Мысли на каждый день года по Церковному чтению» святитель Феофан спрашивает: «Кому страшна смерть?» – и тут же дает четкий и ясный ответ: «Тому, у кого она отнимает все и провождает на тот свет ни с чем. Кто успел запасться нетленным богатством, того надежда утешает в час исхода.»

«В час смерти в сознании чередою проходят деяния жизни, отражая в очах и лице умирающего или утешение, или сокрушение, соответственно представляющимся делам. Живущим, пока живут, хорошо почаще приводить это на память.»

Святитель Феофан был глубоко убежден, что «жизнь не имела бы никакой цены, если бы не было бессмертия, а при этом, несмотря на ее краткость, значение ее неизмеримо, как вечность» (Мысли на каждый день).

Поэтому-то святитель и дорожил жизнью как средством для цели, – временным для вечного, и потому, с одной стороны, не пренебрегал врачеванием случавшихся с ним немощей телесных, а с другой, строго соблюдал правило: «чтоб прожить до глубочайшей старости, надо пораньше состариться, то есть пораньше взять власть над страстями и следовать внушениям здравомыслия и совести» (там же). И он от юности взял эту власть, твердо держа ее в руках до конца своей жизни, памятуя святоотеческое наставление: «Не тот блажен, кто начал благое житие, но кто пребудет в нем до конца»...

Свою смерть святитель Феофан встретил спокойно, так же, как и ожидал ее покойно. И смерть, – эта вождеденная гостья, пришла к нему в день Богоявления Господня 1894 года. Несмотря на немощи телесные, особенно усилившиеся за последние пред тем годы, святитель-затворник до самого последнего времени не изменял ежедневного порядка своей богоугодной жизни и занятий, ежедневно совершая Божественную литургию в своей малой церковке и, следовательно, ежедневно входя в таинственное общение с Христом Спасителем через причащение Тела и Крови Его; ежедневно отсылая на почту по несколько писем в ответ на множество присылаемых к нему писем с запросами по различным предметам духовной жизни.

Но уже с 1-го января 1884 года этот порядок жизни несколько расстроился. Не всегда в определенное время святитель давал условный

знак (постукиванием в стену) о времени чая или обеда... Накануне кончины, 5 января, владыка, чувствуя слабость, попросил келейника (Евлампия) помочь ему пройти по комнате. Келейник провел его несколько раз, но владыка, утомившись, отослал его и лег в постель. В самый день кончины святитель совершил по обычаю Божественную литургию и затем кушал утренний чай, но к обеду не давал условного знака далее обыкновенного. Келейник заглянул в рабочий кабинет святителя и, увидев, что он сидит и что-то пишет, не стал беспокоить его напоминанием. Через полчаса владыка подал условный знак к обеду (это было в половине 2-го часа пополудни), но за обедом скушал, вместо целого, лишь половину яйца и вместо целого стакана молока, лишь полстакана. Затем, не слыша стука к вечернему чаю, келейник снова заглянул в комнату владыки в половине пятого часа и увидел его лежащим на кровати. Хотя на минуту и мелькнула мысль у келейника, что быть может святитель лег отдохнуть, однако любящее сердце подсказало ему, что в этом было нечто другое, более тревожное. Подойдя к святителю, он увидел, что тот уже почил навеки, причем глаза его были закрыты, левая рука покойно лежала на груди, а правая сложена была как бы для благословения...

Тело почившего одели в архиерейские одежды. Никто из людей не был свидетелем самой минуты разлучения души от тела в святителе, но зато при облачении почившего, явно для всех присутствовавших, на лице его просияла блаженная улыбка, и таким образом подтвердились слова, некогда писанные святителем: «В час смерти в сознании чередой проходят деяния жизни, отражая в очах и лице умирающего или утешение, или сокрушение соответственно представляющимся делам.» Очевидно, святитель-затворник, деяния которого были богоугодны, имел утешение скончаться в надежде наследия блаженства вечного.

Три дня простояло тело почившего в келейной церкви его, а затем еще три дня в теплой соборной обители до погребения, – и тление не коснулось его: почивший святитель имел вид спокойно спящего человека. При первом известии о кончине чтимого всеми святителя из разных мест стекались десятки тысяч народа отдать последний долг усопшему. Над могилою почившего усердием почитателей памяти святителя воздвигнут был великолепный мраморный памятник с приличествующим оглавлением главных научно-литературных трудов святителя и надписями.

«Память праведника пребудет благословенна,» говорит премудрый (Притч. 10:7). И сам святитель Феофан сказал в одном месте своих многочисленных писаний: «Умершие продолжают и на земле жить – в

памяти живущих, через добрые дела свои» (Мысли на каждый день, стр. 38). Поистине, то и другое изречение как нельзя более приложимо к самому же святителю Феофану, память которого и не умрет во веки и пребудет благословенна.

Значение творчества святителя Феофана

Значение личности, деятельности и особенно писаний слишком велико, чтобы он умер в памяти живущих людей. Его личный высокий, достойный подражания пример истинно-христианской, богоугодной жизни во Христе и для Христа, подобно примерам древних и новых подвижников святой жизни, будет жить в памяти людей во веки. Христиане будут мыслью, духом соприкасаться с его духом и оживлять в своем сознании привлекательные черты его образа. Его деятельность, добрые дела пойдут вслед за его личностью в памяти людей, которым еще удобней не забывать их, ибо они, эти дела, еще более ощутимы, нежели личность, черты которой со временем могут исчезать из сознания. Писания святителя Феофана живут среди нас и будут жить долго и «не состарятся,» восстанавливая собою в нашем сознании, в нашей памяти и светлый образ почившего, и его деятельность.

В личности, деятельности и писаниях своих святитель Феофан является не только почитаемым иерархом, не только высоким подвижником Церкви, но и поистине одним из тех, о которых св. ап. Павел говорит, что они являются *«свотильниками в мире»* (Филип. 2:15).

И свет таких светил, заимствовавших свой свет от Солнца Правды – Христа, будет сиять Христовым блеском во веки.

Перечень произведений св. Феофана:

О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха. Слова преосв. Феофана. 1867 г.

Некоторые предостережения православным христианам.

Душа и Ангел не тело, а дух. Полемическое исследование. 1867 г.

О покаянии, причащении Св. Христовых Таин и исправлении жизни. Слова во св. четыредесятницу и приговорительные к ней недели. 1863 г.

Путь ко спасению (Краткий очерк об аскетике). Заключительное прибавление к «Письмам о христианской жизни.» Выпуски 1–3. СПб., 1868–1869 г. *Этот труд самый известный и популярный в числе сочинений преосв. Феофана, выдержавший 9–10 изданий.*

«Совесть.» Статья в журнале «Домашняя беседа» 1868 г.

Поучительные и пояснительные заметки на 33-й псалом. «Тамб. Епарх. Ведом.,» 1869 г.

Статьи в журнале «Домашняя беседа» за 1869 г. под заглавиями: «Сижу и думаю,» «Ответ на вопрос» (из письма к редактору о спиритизме); «Разрешение недоумений» (об умной молитве); «Альфа и Омега,» «Обновление мира,» «Судьбы мира» и др. Впоследствии из них образовалась отдельная книга: *«Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия» 1881 г.*

Современное издание: Московский Сретенский Монастырь; издательство «Правило веры» 1995 г. Слова к Владимирской пастве, 1869 г., были напечатаны по желанию Владимирцев. В журнале «Странник» вышли статьи еп. Феофана под заглавием: «Притча о неправедном приставнике» и «Обетование Господне оставляющим все царствия ради Царствия небесного.»

В журнале «Домашняя беседа» за 1870 год были помещены его небольшие статьи: «Чувство меры,» «Созерцание и деяние,» «Не труби пред собою,» «Истинная свобода,» «Напрасный вопрос,» а также более обширные и последовательные статьи: «Уроки из деяний и словес Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа,» «Письма о духовной жизни.»

1871 г. в «Тамб. Епарх. Ведом.» – труд преосв. Феофана в области Евангельской: «Указания, по которым всякий сам для себя может составить из четырех Евангелий одну последовательную историю Евангельскую.»

1871 г. в «Тамб. Епарх. Ведом.» – статья преосв. Феофана «Шестопсалмие.»

1871 г. Собрание назидательных святоотеческих статей, под заглавием: «Востани спяй, и освятит тя Христос.»

1871 г. В Тамбове же напечатано глубокое слово: «По освящении храма на Екатерининском заводе.»

В 1871 г. печатались изречения или афоризмы преосв. Феофана, под заглавием: «Апофегмы» (изречения), потом изданные отдельной унигой: «Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев.»

В 1872 г. печатаются статьи: «Самоиспытание,» «Блаженни милостивии,» «Воцарение Господа внутри нас» и «Область, исключаящая прогресс,» «Толкование первого послания к Солунянам.»

В 1873 г. в журнале «Домашние беседы» вышли следующие статьи: «Неделя сыропустная,» «Сошествие Святого Духа,» «Конец мира,» «Видение старца,» «Несение креста своего,» «Молитва – сеяние,» «Веяние и разум,» «Толкование второго послания св. ап. Павла к Солунянам.»

В 1873 г. печатается труд под заглавием: «Несколько слов о жизни и писаниях святого Антония» (Великого), вошедшего потом в первую часть «Добротолюбия.»

В 1873 г. выходит сборник под заглавием: «Псалтирь или Богомысленные размышления св. отца нашего Ефрема Сирина.»

В конце 1873 г. началось печатание: «Толкование послания св. ап. Павла к Галатам» в журнале «Душеполезное чтение.»

С 1874 года началось и следующие годы продолжалось печатание «Толкования на Псалом 118,»

а также толкование на «Послание св. ап. Павла к Ефесянам»; статья «Обет молчания» и отрывок к предполагаемому изданию «Добротолюбия» под заглавием: «Феолипта, митрополита Филадельфийского,» слово, в котором выясняется сокровенное во Христе делание и показывается вкратце в чем состоит главное дело монашеского чина.»

В Тамб. Епарх. Вед.» за тот же 1874 г. напечатано «Краткое сведение о жизни св. Иоанна Кассиана, аввы Массиллийского; Устав иноческого общежития, или порядок общественных монастырей» – материал для будущего «Добротолюбия.»

Там же «Св. отца нашего Максима Исповедника, Слово подвижническое в вопросах и ответах.»

«Толкование послания ап. Павла к Филиппийцам.» 24) «Толкование первого послания св. ап. Павла к Коринфянам»

25) Небольшие статьи в «Дом. Беседе»: «Новости для нового года,» «Мудрость человеческая и простота Евангельская,» «Духовное единение»

и др.

В 1875 г. «По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе»,» «О нашем долге держаться перевода 70 толковников»,» «Об употреблении нового перевода ветхозаветных писаний»,» «Библия по переводу семидесяти толковников есть законная наша Библия»,» «Решение вопроса о мере православного употребления еврейского нынешнего текста, по указанию церковной практики.»

Письма к Елецкой монахини Магдалине (Ивановой). Напечатаны без имени автора, в «Страннике» за 1876 г.

«Толкование второго послания св. ап. Павла к Коринфянам.»

Три письма по восточному вопросу. Напечатаны в «Православном Обозрении.»

В 1877 году выходит 1-й том «Добротолубия»,» а в последующие годы и остальные четыре. Это огромное и драгоценное издание заняло не менее 15-ти лет для его составления. Все пять томов незаменимое чтение для монашествующих, но не лишены интереса и для мирян, если они только имеют заботу о спасении.

«Святоотеческие наставления о трезвении и молитве.» Довольно большой труд, глубоко назидательный. Многим этот труд служил и служит до сих пор настольной книгой.

Слова преподобного и богоносного отца нашего Симеона, Нового Богослова, в переводе с ново-греческого. Напечатаны были вначале, с предварительными сведениями о жизни и писаниях преп. Симеона, в «Душеполезном Чтении» за 1877–1881 г., а затем вышли и отдельным оттиском, в 500 экземплярах. Всего было издано два выпуска. (В 1917 году доцентом Моск. Дух. Акад. иером. Пантелеймоном была переведена и 3-я часть творений св. Симеона Нового Богослова: «Божественные гимны.»).

Статьи в «Домашней Беседе» за 1877 г. под заглавием: «Житейский урок»,» «Верность обетований Божиих»,» «Различие Ветхого и Нового Завета»,» «Значение смерти в домостроительстве спасения» и «Бог века сего.»

«Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Письма.» Москва, 1878 г.

«Толкование посланий св. ап. Павла к Колоссянам.»

«Толкование первых восьми глав посл. св. ап. Павла к Римлянам.» 1879 г. Москва.

«Толкование 9–16 глав св. ап. Павла к Римлянам.» 1879 г. Москва.

Приветственное «Письмо» преосв. Феофана на имя ректора Тамбовской духовной семинарии архимандрита Димитрия (Впоследствии

епископа Подольского и Брацлавского), по случаю столетнего юбилея его. Напечатано в «Тамб. Епарх. Ведомостях за 1879 г.).

«Толкование на послание св. ап. Павла к Филимону.»

«Толкование пастырских посланий св. ап. Павла» в «Душ. Чтении» за 1880–1882 годы.

«Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни.» Сам святитель писал о них в 1892 году: «Письма к разным лицам только до 30 таких, а потом пошли все к одной особе, образованной, энергичной, мудрой и верующей от всего сердца.»

«Письма к одному лицу в Санктпетербурге по поводу появления там нового учителя веры» Синод. тип. 1881 г. Письма эти направлены против Пашкова и его последователей, в свою очередь стоявших в связи с учением известного в то время Лорда Редстока. Это – замечательная по силе мысли и горячей ревности о Православии книга. Несмотря на характер писем, книга эта включает в себе драгоценнейший материал для обличительного и догматического богословия.

«Письма о христианской жизни.»

«Что нужно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения.»

«Пять поучений о пути ко спасению.»

«Слова на Господние, Богородичные и торжественные дни.» Москва, 1883 г.

«Писания святого Антония Великого» 1883 г. Москва.

«Слова преподобного отца нашего аввы Исаии отшельника.» Отдельн. изд. из «Добротолубия.»

«Умная молитва – долг мирянина.» Письмо. Киев, 1883 г.

Четыре беседы по руководству книги: «Пастырь св. Ерма.» Москва, 1884 г.

Митерикон. Собрание наставлений аввы Исаии всечестной инокине Феодоре.» Москва, 1891 г.

«Древние иноческие уставы пр. Пахомия Великого, св. Василия Великого, преп. Иоанна Кассиана и преп. Венедикта.» – Собранные епископом Феофаном, изданные Афонским русским Пантелеймоновым монастырем: Москва, 1892 г. «Древние иноческие уставы » могут быть рассматриваемы по всей справедливости как шестой том переведенного проеосв. Феофаном «Добротолубия».

Содержание

Святитель Феофан Затворник: великий учитель христианской жизни. Жизнеописание и советы епископ Александр (Милеант)	1
Жизнеописание святителя Феофана до затвора	3
Значение затвора в жизни святителя Феофана	6
Главная тема в творениях Святителя Феофана	11
Советы ищущим спасения (Из писем преосвященного Феофана).	19
Вне Церкви спасения нет!	20
О смирении	21
О самоугодии	22
О молитве	23
О душе	24
О ведении Божиим	25
О терпении	26
О ложных богах	27
О славословии Божиим	28
Просто интересные мысли	29
Светлый облик Владыки Феофана	30
Значение творчества святителя Феофана	35
Перечень произведений св. Феофана:	36